

Нахмурившись, Гермиона потянулась к его рукам, заметив, что они всё ещё в крови, и он замер от её прикосновения, когда она осторожно взяла его за руку и потянулась за тряпкой, чтобы ещё раз вытереть его. Медленно, методично Гермиона проводила тканью по его коже, захватывая все больше и больше, по мере того как осознавала, что большая часть его тела все еще покрыта кровью.

Он молчал на протяжении всего процесса, и Гермиона замерла, одной рукой наклоняя его подбородок в одну сторону, а другой вытирая мазок крови с его шеи, всё ещё стоя на коленях и склонившись над ним. Он запутался одной рукой в её распущенных локонах, и Гермиона моргнула, осознав, что практически лежит у него на коленях.

От прикосновения его прохладных пальцев к коже головы ее затрясло, и Гермиона едва не выронила салфетку, когда поняла, что к ее животу настойчиво прижимается что-то горячее и твердое, явно умоляющее уделить ему немного внимания, которое она уделяла остальным.

Поморщившись, Гермиона медленно потянулась, чтобы убрать салфетку, но потом встретила его взгляд и обнаружила, что его глаза блестят от жара.

«Тебе лучше уйти», - сказал он ей, его голос был хриплым и греховным, что заставило ее вздрогнуть.

Гермиона знала, что он прав, но, черт возьми, она не хотела этого. Она месяцами обманывала себя, что ее все больше интригует и притягивает профессор Снейп, и когда он так смотрел на нее, ей меньше всего хотелось покидать его присутствие.

«А если я не хочу?» осмелилась спросить Гермиона, затаив дыхание.

Его губы скривились в лукавой улыбке, и Гермиона почувствовала, как его член подрагивает под ней. По ее лицу невольно пробежала ответная ухмылка, и Гермиона не смогла удержаться от желания прижаться ртом к его коже. Он запустил свободную руку в ее волосы, и она провела мягкую линию поцелуев по его груди, целуя шрамы, которыми был усеян его торс, и медленно продвигаясь на юг.

Он не протестовал, и Гермиона очень нежно покусывала его, когда он просунул руку между ними, отодвигая часть плаща, прежде чем крепко обхватить свой пульсирующий член. Гермиона медленно провела руками по его бедрам, сходясь на мучающем его отростке, и услышала, как он затаил дыхание, целуя его подтянутый живот, а одна из ее рук осторожно скользила по нему, сменяя его руку на своей. Ее сердце бешено колотилось в груди, а трусики стремительно намокали.

Ей с трудом верилось, что она осмелилась прикоснуться к нему таким образом - и что он позволил это. Мерлин, судя по тому, как участилось его дыхание, Гермиона почувствовала, что он поощряет ее. Она осторожно обхватила его рукой, а он остался неподвижен, затаив дыхание, словно боясь пошевелиться и разрушить заклятие между ними. Гермиона с трудом верила в то, что ей предстоит сделать, сколько бы раз она ни фантазировала об этом. Проводя

поцелуями по его прессу, Гермиона добралась до основания его члена и на мгновение замерла, осмелившись поднять глаза на его лицо.

Он пристально наблюдал за ней, его глаза блестели, как она подозревала, от вожделения, и Гермиона подумала, не собирается ли он остановить ее.

«Ты пожалеешь об этом», - пробормотал он, когда она провела бабочкой поцелуев по кончику его члена.

«Возможно», - мягко согласилась Гермиона, переместив руку к его основанию и целуя кончик члена. Она слегка улыбнулась и лизнула плачущую головку, впервые пробуя ее на вкус.

Он не отреагировал так, как другие мальчики, когда она делала это с ними. Не то чтобы она делала это со многими, но и Рон, и Виктор шипели от удивления и одобрения, когда она лизала их. Но не Снейп. Он был слишком контролируем для этого. Единственным признаком его удовольствия было лёгкое сжатие его руки в своих волосах.

«Я пожалею об этом», - пробормотал он.

«Уверена, что пожалеешь», - согласилась Гермиона и взяла головку его члена в свой жаждущий рот.

Его руки еще крепче вцепились в ее волосы, пока она медленно овладевала его ртом, и он исчезал в ней на несколько дюймов. Он не издал ни звука, затихнув в темноте, но Гермиона и не ожидала ничего другого. Он был не из тех, кто бормочет ругательства, как Рон, или произносит сладкие ноты и слова похвалы на иностранном языке, как Виктор.

Нет, все, что Сёверус Снейп сделал в знак признания, - это сдержанный вздох удовлетворения и легкое расслабление напряженных мышц. Холод, исходивший от него, улетучился, и Гермиона была уверена, что может умереть от сочетания желания, унижения и ужаса, которые она испытывала в этот момент. Желание довести его до конца, обменять свой рот на его тело на ощущения от погружения в его шелковистую стальную длину. Ужас, вызванный логической стороной ее мозга, которая возмущенно указывала на все причины, по которым это было неправильно: от того, что он был ее учителем, старшим и Пожирателем смерти, до жалкой мысли, что если кто-нибудь узнает, она никогда не переживет этого. И самое страшное - ужас. Страх, что он скажет ей остановиться. Страх, что он оттолкнет ее и выпустит свой невероятно острый язык, выплевывая на нее яд и ярость, когда вновь обретет все свои эмоции и разум.

Не желая рисковать, Гермиона мотала головой, впадая щеками при каждом движении вверх и заглатывая как можно больше его тела при каждом возвращении. Когда она снова осмелилась посмотреть на него, его глаза были закрыты, голова откинута назад на спинку стула, лоб слегка нахмурен. Гермиона провела языком по его губам, и он резко вдохнул, открыв глаза, чтобы встретиться с ней взглядом.

Они блестели от жара, и киска Гермiony запульсировала. Мерлин, как же ей хотелось встать и оседлать его. Она хотела ощутить каждый сантиметр его члена, скользящего внутри нее, пока он не упрется в нее так крепко, что, возможно, никогда не освободится. С запозданием она поняла, что он, вероятно, использует Легилименцию, подслушивая каждую ее мысль, но он никак не проявлял этого. И никогда не проявлял. Она знала, что он использовал его на уроках, отсеивая жалкие мысли о нем, которые были у большинства студентов, и выбирая способы смутить их из их собственного разума.

Она знала, что не раз, если бы он слушал, то услышал бы их предательские похотливые мысли, связанные с ним. Если честно, она была очарована, даже не замечая этого. Все началось с того, что она просто слушала его голос, когда он объяснял, как правильно приготовить ингредиенты для зелья. Оно усилилось, когда она увидела, как его длинные, ловкие пальцы так осторожно и умело обрабатывают ингредиенты. Она стала наблюдать за ним, восхищаясь его изящной фигурой, когда он шел, не обращая внимания на развевающийся плащ. Она стала обращать на него больше внимания, но не как на учителя, а просто как на мужчину. Человек с мыслями, чувствами, желаниями и потребностями, и слишком часто она задавалась вопросом, кому - если вообще кому-то - есть дело до его желаний и потребностей.

<http://tl.rulate.ru/book/120279/4957472>